

**КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРАХ РАССКАЗОВ
ИЗ СБОРНИКА «ВЕСНА В ФИАЛЬТЕ» В. НАБОКОВА
CATEGORY OF MODALITY IN NABOKOV'S «SPRING IN FIALTA»**

Аннотация: В статье категория модальности применяется для анализа рассказов В. Набокова из сборника «Весна в Фиальте» на основе статьи Ю. Гарбузинской. При помощи типов модальности, выделенных М. Эпштейном (действительное / недействительное, возможное / невозможное, случайное / необходимое), и понятия М. Дымарского о дейктическом модусе (определенное / неопределенное) противопоставляются возможности, данные герою автором, и выбор героя. Предпочтение героем отрицательного полюса модальности приводит к сближению позиций автора и героя и наоборот.

Ключевые слова: модальность; автор и герой; М. Эпштейн; философия возможного; Ю. Гарбузинская; М. Дымарский; дейктический модус; Набоков.

Abstract: In the article the category of modality is used for the analysis of stories of Nabokov from the storybook «Spring in Fialta» using the example of the article by Y. Garbuzinskaya. With the help of modality types allocated by M. Epstein (valid/invalid, possible/impossible, random/required) and and the concept of M. Dymarsky on the deictic modus (definite / indefinite) are opposed to possibility offered by the author, and the choice that makes the hero. Preference by the hero of negative pole of modality leads to the convergence of views and the author and character and vice versa.

Keywords: modality; author and hero; M. Epstein; philosophy of possible; Y. Garbuzinskaya; M. Dymarsky; deictic modus; Nabokov.

В данной работе мы будем изучать проявления категории модальности в рассказах Набокова, входящих в сборник «Весна в Фиальте». Термин «модальность» происходит от латинского «modus» – мера и способ. Данный термин встречается еще у Аристотеля в его «Метафизике». В узком смысле под модальностью понимается высказывание, выражающее определенное отношение к реальности.

Словарь литературоведческих терминов дает такое определение модальности: категория высказывания, которая выражает отношение повествователя к изображаемой им действительности.

Категорию модальности в рассказах Набокова мы будем рассматривать, взяв за основу классификацию типов модальности из книги Михаила Эпштейна «Философия возможного», в которой он впервые исследует значение модальности

для всего комплекса гуманитарных дисциплин. Главной категорией модальности он считает возможное. Повествователя Эпштейн понимает как воплощенную возможность самого автора, а мир – как сеть многообразных возможностей. В его понимании лучший мир – тот, в котором число возможностей стремится к бесконечности [4].

Эпштейн выделяет пары модальностей: возможное / невозможное, действительное / недействительное и необходимое / случайное. Первое слагаемое этой пары выражает положительный полюс модальности, второе – отрицательный [4].

В своей статье Ю. Р. Гарбузинская [1] приходит к выводу, что, выбирая отрицательный полюс модальности – недействительное, невозможное и случайное, – герой (персонаж) становится ближе к автору, к творцу всех предоставляемых возможностей для героев. Или же герой может сделать выбор в пользу положительного полюса модальности (возможное, вероятное, действительное), но он останется в своем замкнутом пространстве и возможности, созданные для него автором, закроются [1].

Опираясь на выводы Ю. Р. Гарбузинской, мы проверили выбор полюса модальности героями другого сборника рассказов В. Набокова «Весна в Фиальте».

Начнем с самого первого и самого главного, по нашему мнению, рассказа с одноименным названием. Повествователь и героиня встречаются в Фиальте, которую автор создает и описывает как нереальный мир: «... весеннюю, серую, оранжерейно-влажную сущность Фиальты если и можно было назвать погодой, то находилась она в такой же мере вне всего того, что могло служить нам с ним предметом разговора...» [3, с. 315], то есть этот мир возможен только в сознании читателя, так как он находится и вне жизни героев и вне настоящей жизни, и повествователь рассказывает о том, как они познакомились. Он употребляет такие слова, как «машинально», «неожиданно», конструкции «без сговору», «не помню, почему мы все повысыпали из этой высокой с колоннами залы...» [3, с. 309].

Таким образом выражается модальность случайности, направленная автором на создание образа необычной встречи, возможной встречи в сознании читателя и автора. Они оба были связаны узами брака с другими людьми, но судьба каждый раз готовила для них встречи. Герой-повествователь абсолютно отдается этим встречам, он счастлив и, судя по всему, любим Ниной. Герой, описывая свои отношения с Ниной, выбирает положительный полюс модальности: «Неужели была какая-либо *возможность* жизни моей с Ниной, жизни едва вообразимой, напоенной наперед страстной, нестерпимой печалью, жизни, каждое мгновение которой прислушивалось бы, дрожа, к тишине прошлого? Глупости, глупости!» [3, с. 317].

Герой не может быть смелым, открытым для новой жизни за пределами своей зоны комфорта. Он остается в том, что возможно, жизнь же с Ниной – нет. Так он всё больше и больше отдаляется от автора-творца, сам отказывается от реализации других вариантов судьбы, которые были «предоставлены» автором. Героев ждет печальный исход: Василий не осмеливается признаться Нине в любви, не осмеливается изменить свою жизнь к лучшему, Нина умирает. Лучший мир, который мог быть выбран героями, не состоялся. Положительный полюс модальности

становится определяющим полюсом, герои выбирают действительное и уже возможное настоящее и оказываются в проигрыше.

Во втором рассказе «Набор» я обнаружила уже четкое представление о повествователе: он – участник событий, которые описываются. Он нашел героя, которого решил назвать Василием Ивановичем, и превратить его в персонаж одной из своих глав. Здесь мы видим всезнающего автора: он знает и прошлое В. И., и настоящее, его вкусы и чувства. Повествователь (автор) дает возможность Василию Ивановичу воплотиться в своем тексте, быть более счастливым, но на страницах книг. *«Я желал, чтобы, несмотря на старость, на бедность, на опухоль в животе, Василий Иванович разделял бы страшную силу моего блаженства, соучастием испукая его беззаконность; так, чтобы оно перестало быть ощущением никому не известным, редчайшим видом сумасшествия, чудовищной радугой во всю душу, а сделалось хотя бы двум только человекам доступным, стало бы предметом их разговора, и через это приобрело бы житейские права, которых иначе мое дикое, душевное счастье лишено совершенно»* [3, с. 364]. Автор дает возможность герою раскрыться в будущем произведении, то есть перейти в мир с новыми возможностями, испытать отрицательный полюс модальности, что определенно делает позицию героя ближе к автору-творцу, к создателю судьбы героя. В своей же обычной жизни некий В. И. остаётся несчастлив, совершенно далек от автора, захвачен обыденностью и необходимостью быть там, где он есть сейчас.

Еще один рассказ сборника «Весна в Фиальте» – «Королек» – кардинально отличается от других. Во-первых, потому что мы не можем с точностью сказать, кто выполняет роль повествователя: то рассказ ведется от лица Романтовского, человека *«как будто не отсюда»*, то от лица двух братьев Густава и Антона, не дающих жить Романтовскому, то с позиции нейтрального наблюдателя (описание распорядка дня Антона), а иногда и с позиции всеведущего автора. Принять кого-то одного за повествователя очень сложно, это становится возможным только в конце рассказа, когда мы узнаем, что повествователь *не знал* о том, что Романтовский был фальшивомонетчиком! Разрушается весь созданный им мир.

В статье, посвященной творчеству Набокова, литературовед Дымарский ввел понятие дейктического модуса, важного для анализа выбора героем того или иного полюса модальности [2].

Дейктический модус может иметь как положительную, так и отрицательную полярность. Он выражается в категориях определенности или неопределенности. Созданный автором *возможный* мир характеризуется либо отрицательным полюсом дейктического модуса, либо положительным [2].

Если он положительный, мы можем составить непротиворечивую картину этого мира, это возможно благодаря всеведущей позиции автора, эта позиция дает возможность проникать во все уголки художественного текста и позволяет читателю сформировать собственное мнение, разделив явления условно на «плохие» и «хорошие». Но если дейктический модус отрицательный, то мир показан неопределенным, меняющимся, поэтому сформировать непротиворечивое мнение очень сложно.

В рассказе «Королек» нам сложно определить отношения между автором и героем, это отрицательный модус: *«Мой бедный Романтовский! Теперь все кончено. Собранные предметы разбредаются опять, увы. Тополек бледнеет и, снявшись, возвращается туда, откуда был взят. Таёт кирпичная стена. Балкончики вдвигаются один за другим, и, повернувшись, дом уплывает. Уплывает все. Распадается гармония и смысл. Мир снова томит меня своей пестрой пустотой»* [3, с. 340].

Так мир возможностей, созданный автором, становится неважен, а затем и вовсе исчезает. Влияние категории определенности и неопределенности как раз заключается в том, что мы не можем дать четкую оценку отношениям между автором и героями. В рассказе «Королёк» это проявляется в том, что автор не даёт возможностей выхода для своих персонажей, исчезает мир героя, ведь мы сначала думали, что он автор, но он только герой.

Таким образом, наши выводы по каждому рассказу в целом совпадают с выводами Ю. Р. Гарбузинской. Герои в проанализированных ею рассказах (таких как «Музыка», «Встреча») выбирают отрицательный полюс модальности, они используют созданные для них возможности. А в рассказе «Хват», когда герой выбирает неверную позицию – действительность и необходимость, перед ним закрываются двери новых возможностей, автор не видит дальнейшего его счастья и развития [1]. В «Весне в Фиальте» и «Наборе» абсолютно такая же ситуация: создается конфликт в понимании возможностей между автором и героем. В «Корольке» складывается другая ситуация, которая даёт повод для новых размышлений об отношениях автора и героя в сфере действия категории модальности.

В этом рассказе автор даёт меньше возможностей для героев, что и приводит к неопределённому модусу. Данную проблему в дальнейшем мы планируем рассмотреть на всех рассказах данного сборника и выявить полные и точные закономерности.

Библиографический список

1. Гарбузинская, Ю. Р. Категория модальности: автор и герой в сборнике рассказов В. Набокова «Соглядатай» / Ю. Р. Гарбузинская // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2017. – №1, 2. – С. 37–40.
2. Дымарский, М. Deux ex texto, или Вторичная дискурсивность набоковской модели нарратива / М. Дымарский // В. В. Набоков: pro et contra. Т. 2. ; сост. Б. В. Аверина ; библиогр. С. А. Антонова. – СПб. : РХГИ, 2001. – С. 236–260.
3. Набоков, В. В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. В. Набоков ; сост. В. Ерофеева. – М. : Правда : Огонёк, 1990. – Т. 4. – С. 305–463.
4. Эпштейн, М. Н. Философия возможного / М. Н. Эпштейн. – СПб. : Алетей, 2001. – 334 с.